

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ОПЫТ СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: структурализм, анализ мифа, Леви-Строс, структурная антропология, методология.

В данной статье рассматриваются основы структурно-антропологического подхода к анализу мифологических источников, актуализируется основная проблематика структуралистской методологии – правомерность ее использования в качестве инструмента для интерпретации текстов, в частности, текстов мифологических. На примере авторского анализа мифа, основанного на структурно-антропологическом подходе, показывается преимущество последнего среди прочих способов выявить общую семантику мифологического текста (символизм, ритуализм, социологизм и т.д.).

При анализе мифа мы опирались на методологию, разработанную французским антропологом-структуралистом К. Леви-Стросом. Приведенный ниже анализ является семантическим, поскольку нами были раскрыты смысловые отношения между элементами текста – мифемами, понимаемыми в терминологии Леви-Строса как наименьшие нарративные единицы мифа. В рамках данного подхода мы выделили парадигматические связи между различными группами мифем и дали им соответствующую интерпретацию.

Раскроем основные положения используемой методологии более подробно. Согласно Леви-Стросу, в основе любого мифа лежит логика бинарных оппозиций. Из осознания этих оппозиций складывается миф: в качестве примера Леви-Строс приводит «кулинарные мифы», сложившиеся из оппозиции сырое/вареное [1, с. 111].

Несколько мифов одной культуры образуют систему, вне которой они не могут быть рассмотрены. Интерпретация, таким образом, становится поиском взаимосвязей между мифами и их вариациями, между элементами внутри структуры отдельного мифа [2, с. 232]. Существование различных вариаций одного и того же мифа объясняется логикой мифогенеза: процесс рождения мифологических рассказов подчиняется лежащим в его основе трансформациям (перемещение, подмена, инверсия, симметрия и т.д.) [2, с. 232].

По Леви-Стросу, анализ мифа в его синтагматическом изложении лишен смысла [1, с. 112]. Он показывает это на примере мифа об Эдипе, в котором только выделение парадигматических связей позволяет выявить общую семантику мифа. Синтагматическое изложение –

хронологическое изложение, опирающееся на линейную последовательность событий, когда как парадигматическое изложение вычленяет и сопоставляет схожие элементы текста.

Темы и герои, взятые в отдельности, не имеют значения, поэтому смысл мифа можно найти лишь в комбинации или композиции элементов. Повествование должно рассматриваться как совокупность создающих его единиц, устойчивость которых детерминирована системой [2, с. 234]. Основным элементом или единицей мифа является мифема – структурная единица мифа. Под мифемой можно понимать отдельную фразу, слово или предложение, содержащее в себе основную суть мифологического эпизода. Мифему нельзя рассматривать как изолированный объект, поскольку она включена в комбинацию отношений между элементами и не является отдельным отношением. [1, с. 112-113].

Предмет изучения Леви-Строса – сложная система парадигматических и синтагматических отношений между элементами. Чтобы выявить эти отношения, Леви-Строс выписывает отдельные мифемы на карточки и располагает их таким образом, чтобы между ними была и хронологическая, и парадигматическая связь [1, с. 112]. Для этого он выделяет схожие мифемы и располагает их друг под другом. В итоге получается таблица, образованная из нескольких вертикальных колонок. Для анализа был выбран миф южноафриканских племен бушменов «Как девушка древнего народа сделала звезды» [5, с. 106-108]. Перейдем к рассмотрению таблицы 1.

Таблица 1.

Миф «Как девушка древнего народа сделала звезды»

1	2	3	4	5
1. ж.-матери первой д. отправляются выкапывать коренья, д. остается дома				2. одна из м. приносит ей пищу и следит, чтобы д. не ела мясо, добытое юношами
4. д. рассердилась на м.				3. м. приносит д. коренья
	5. д. подбрасывает древесную золу в небо		6. д. сказала золе, чтобы та стала Млечным Путем	

		7. зола => МП		
	8. д. подбрасывает вверх коренья			
		9. коренья => звезды		
			10. д. просит Млечный путь давать свет людям	
	11. Д. подбросила в небо кожуру			
		12. кожа => саранча		

Первый и пятый столбцы объединены темой родственных отношений. Здесь представлена оппозиция между зрелостью/старостью. В первый столбец включены действия девушки, в пятом столбце ей противопоставлены действия одной из ее матерей. Девушка поначалу пребывает в статичном положении – она находится внутри небольшой хижины, притворившись больной. Мать подносит ей мясо газели, добытое отцом девушки, при этом получить пищу от более молодых охотников девушка не может. (м. 1 и 2)

В данном эпизоде проявляется принцип перенесения признака, один из механизмов классификации в первобытном мышлении. Различные группы объектов могут заменять другие группы по своему функциональному значению, также предметы могут свободно трансформироваться из одних в другие, передавать свои свойства другим объектам и т.д. В мифе дана цепочка объектов: плоть животного – лук – охотник – стрела – наконечник стрелы. Именно в такой последовательности слюна девушки перенесет свой признак, если коснется плоти убитого животного. Охотник убивает свою жертву стрелой из лука – орудия охоты «вбирают» в себя «отпечаток» животного и частей его тела. Поскольку лук и стрелы принадлежат охотнику, первоначальный признак становится частью уже самого охотника.

Остановимся на том значении, которое несет в себе слюна девушки. Слюна имеет белый цвет. В трехчастной цветовой классификации белый наделяется наиболее благоприятными коннотациями [4, с. 81]. Он олицетворяет здоровье, силу, сексуальную чистоту и т. д. Цветовая символика необязательно соотносится с полом, в зависимости от

ситуации цвет закрепляется либо за мужчиной, либо за женщиной [4, с. 72-73]. В мифеме белый цвет связан с женским началом. Здесь снова работает перенесение признака – через цепочку трансформаций женское начало может необратимо изменить природу мужского. Несмотря на положительный смысл белой цветовой символики, в данном контексте она вступает в противоречие с мужским началом как часть оппозиции мужское/женское.

Следующая мифема связана с преодоления стадии лиминальности и становлением персонажа в качестве культурного героя-демиурга (м. 4). В предыдущих мифемах первая девушка проводит некоторое время в изоляции, в хижине, специально построенной для нее матерью. Она не совершает никаких действий, находится в неподвижном состоянии (м. 1). Это понимается как описание одной из стадий обряда инициации, во время которой неофиты находятся в промежуточном состоянии между «миром мертвых» и «миром живых». Запрет на употребление определенных видов пищи (в данном случае это мясо, добытое юношами) также является частью этого этапа. Медиатором, т.е. персонажем-посредником, становится мать первой девушки. Она приносит своей дочери коренья, которых оказалось недостаточно, чтобы насытиться (м.3). Этот акт дарения символизирует окончание фазы лиминальности и начало фазы восстановления. С этого момента девушка претерпевает изменения, ее характеризуют типично «маскулинные» черты — рассердившись на мать, она проявляет агрессию, целеустремленность, активность. С этого момента данный персонаж перестает быть собственно женщиной, человеком и, как мы увидим в дальнейшем, трансформируется в культурного героя-демиурга.

Второй и четвертый столбцы тематически связаны как оппозиция между словом и действием. В перечисленных группах мифем первая девушка выполняет функции культурного героя, что проявляется в творении видимой вселенной – небесного свода и звезд. Также мы видим повторяющийся мотив подбрасывания предметов с последующим озвучиванием своих действий (2-4 столбцы). Согласно логике мифа, действие лишено сакральной значимости, которым обладает слово как нематериальный акт творения. Слово и действие включены в отношения иерархии: действие всецело подчинено слову, без него оно не имеет никакой силы.

Третий столбец связан со вторым и четвертым столбцами. Отмеченные в нем мифемы представляют собой цепочку трансформаций. Эти трансформации показывают нам, как в первобытном мышлении работает принцип перенесения признака. Почва, удобренная золой, имеет визуальную схожесть с космическим пространством;

всходы растений могут напоминать звезды, а кожа естественным образом ассоциируется с тканями насекомого.

Первая и вторая группы столбцов дополняют друг друга. Противопоставление молодого (зрелого) старому имплицитно содержит в себе противопоставление слова безмолвию. Девушка, достигшая с окончанием обряда инициации зрелости, словом творит материальную реальность, когда как мать безмолвна, лишена дара речи. Из этого следует, что семантика данного мифа основана на оппозиции между постпубертатным периодом (половой зрелостью) и климактерическим периодом в цикле онтогенеза человека.

Таким образом, основываясь на анализе смысловых отношений между различными группами мифем, исследователь-мифолог может выявить общее семантическое значение мифа.

Библиографический список:

1. Турышева О. Н. Теория и методология зарубежного литературоведения: учебное пособие. М. : Флинта – Наука, 2012. 106 с.
2. Энафф М. – Клод Леви-Строс и структурная антропология. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. 560 с.
3. Тэрнер В. – Символ и ритуал. М. : «Наука», 1983. 280 с.
4. Леви-Строс К. – Структурная антропология. М. : «Наука», 1985. 399 с.
5. Леви-Строс К. – Первобытное мышление. М. : «Республика», 1994. 384 с.
6. Мифы и сказки бушменов. М. : «Наука», 1983. 318 с.

Д. А. Козлова

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В «СИЛЬМАРИЛЛИОНЕ» ДЖОНА Р. Р. ТОЛКИНА

Ключевые слова: Толкин, Сильмариллион, религиозные мотивы, вымышленные религии, фэнтези, христианство.

Нравственные аспекты произведений Джона Р. Р. Толкина, в частности «Сильмариллиона», аудитория считает без затруднений и пререканий. Религиозный же контекст, напротив, до сих пор является предметом спора как исследователей, так и «толкинистов».

Как утверждает С. В. Алексеев, для Толкина «на протяжении всей сознательной жизни вопрос выбора веры не вставал никогда: он был и остался католиком... она [вера – прим. К. Д.] всегда была одной из